

ПЛАЧ КОЗЕРОГА¹

Т. П. Бугенкова²

CRY OF A GOAT

T. P. Budenkova

Дорога пересекла пойму Хемчика, по мелкому галечнику Уазик въехал на песчаный плес.

Остановились возле кустов облепихи. Ягоды, как янтарные капли, застывшие на ветках кустарника, блестели под лучами зацепившегося за горную вершину солнца. Саяны смотрели на людей внимательно и строго. Вы кто такие, с чем пожаловали?

Однако следовало торопиться, солнце вот – вот спрячется за скалистый хребет и темнота накроет ущелье, а надо было заготовить дрова, развести костерок, поставить палатку. Ну и покидать немного удочку хотелось. За тем ведь сюда и ехали.

Но, прежде всего, пришлось собрать и закопать в яму пустые банки, бутылки, какие-то упаковки, грязный полиэтиленовый пакет с надписью «Помоги детям», зацепившийся за ветку кустарника и развевающийся как флаг. Рыбаки обреченно переглянулись и занялись делом. А что оставалось? Однако по лицам было видно: на душе у каждого кошки скребут.

¹ Один из рассказов автора из серии рассказов о реке Хемчик. См.: http://zhurnal.lib.ru/b/budenkova_t_p/

² Бугенкова Татьяна Петровна — юрист, г. Красноярск.

Донгак направился в сторону старого наносника. Это такие разнокалиберные бревна и бревнышки, обломки веток, сучки — все, что принесла река по большой воде. Борис и Куулар быстренько разбили палатку и размотали рыбацкие снасти. Противоположный берег обрывался в воду крутыми скалами. Вот возле одной такой скалки была у рыбаков на примете ямка, в которой водились красавцы хариуса. Только что пойманный хариус пахнет арбузом, а какая из него уха!..

Борис и Куулар уже стояли на берегу, когда услышали крик Донгака. Он что-то рассматривал среди обломков веток и махал рукой, идите, мол, сюда.

— Клад Чингиз-хана что ли нашел? — — фыркнул Куулар, недовольный тем, что испорчен чудесный момент.

— Боюсь, ничего хорошего он там не увидел, — Борис направился в сторону Донгака. Куулар, продолжая что-то невнятно бубнить себе под нос, нехотя поплелся следом.

Дымчато-коричневая шкура горного козерога виднелась через обломки высохших веток. Донгак молча, разбрасывая по сторонам все, что укрывало находку.

— Это, это ж они...

Ругаются тувинцы по-русски, но других слов просто не находилось.

— Вот смотрите, смотрите... — на развернутой шкуре лежали внутренности убитого зверя и... голова без рожек.

— Самочка. — Куулар снял вязаную шапочку, вытер ею лицо, будто хотел стереть страшное видение и сел на подвернувшееся бревно. — У самца рога.

И он не находя больше слов, показал руками какие большие у горного козерога рога.

— Вот тебе и «Красная книга»... Куда хочешь запиши, а от гадов не спасешь. Давайте копать яму.

— Сам я. Идите рыбачить, — Донгак бережно свернул шкуру.

— А чего орал-то, чего орал?! — вдруг громко и зло закричал Куулар. — Вот и закопал бы сразу. Чего всем душу травить!

— Вот раскричался... У него тоже не балалайка вместо души, — буркнул Борис. — Пошли что ли. Еще немного и темнеть начнет.

Куулар шагал следом, гремел рыбацкими сапогами по гальке, горько и зло ругался, путая тувинские и русские слова.

Борис молчал. Но в горле встрял противный ком — ни проглотить, ни вздохнуть.

И правда, следовало торопиться. Солнце уже спряталось за горы, и вечерний сумрак плыл по ущелью.

— Эй, ты чего там? — Борис смотрел, как Куулар держал удочку, вводил удилице в сторону, так и сяк пытался вытащить улов на белый свет.

Пока они бились с уловом, подошел Донгак. Наконец стали вытягивать, оказалось, зацепились за сеть. Вытащили ее на берег — оказалась «китайка». Это такая сеть китайского производства, сплетенная из лески, которая в воде не гниет. В ячейках застряли таймешата, леночки, харюса... Снулая¹ рыба уже побелела. Видимо сеть давно поставили и

почему-то бросили. Висеть ей на рыбьем пути и нести погибель молодому рыбьему поколению, ячея-то — «двадцатка», мелкая.

— А и сгубили зря! — Борис готов был рвать и метать. Мерзость и горечь скатались в душе в колючий комок и уже хотелось... Ох, чего может хотеть доведенный до белого каления русский мужик!

— Ладно, Боря, ладно, — Куулар посмотрел в голубые глаза Бориса, которые сейчас посерели, на побелевшие пальцы, сжимавшие подвернувшийся под руку сук, и потихоньку отводил друга в сторону.

— Пойдем в соседнюю заводь. Вон там рыбы много... Много... Ага. Пойдем, Боря, вон уже темнеет. А ты чего стоишь? Разводи костер, — прикрикнул он на Донгака. Тот вдруг засуетился и как-то неуклюже заторопился к палатке.

Но уши в этот день попробовать не пришлось.

Подошли ко второй заводи, глядь, а там что-то белеет в воде. Присмотрелись — та же история: гиблая рыба в брошенной китайской сети.

Ночь опустилась на берега Хемчика, ясная, звездная. Небо серебром лунных бликов и бриллиантами звезд отражалось в реке. Прохладный воздух доносил до костра свежий запах горной реки.

В котелке вместо ухи булькала тушенка.

— И что теперь? — прервал затянувшееся молчание Куулар.

— Сколько рыбы просто так загубили... — Донгак так и ел, не поднимая головы от чашки, будто сам был вино-

ват перед этой рекой, перед горной козой и бесполезно загубленной рыбой.

— Гон прошел в конце августа. Значит, самка козленка носила в себе, пока совсем маленького, — вздохнул Куулар.

— Я видел как-то: у одних мотор японский, лодка резиновая, по импортной лицензии сделанная. Карабин с оптическим прицелом. На рассвете козероги пить к реке идут... — Борис звякнул ложкой по пустой посудине, звук в ночной тишине отдался неожиданно гулко, все замерли.

— Там на осыпи камешки шуршат, будто из-под копыт катятся, — сам не зная почему, прошептал Донгак.

— Может козерог? — также чуть слышно спросил Куулар.

Некоторое время все сидели молча.

— Представьте, на рассвете козероги пришли на водопой. А по воде несется такая штука. Они и не прячутся, потому что не знают, что это гибель их летит на японском моторе. Карабин с оптическим прицелом... И козерогу спасенья нет, — Борис, не мигая, смотрел на огонь и, казалось, видит эту картину в кровавых всполохах пламени.

— Это не охота, это убийство, ребята, — так и не отведя взгляда от огня, договорил он.

— Котная самка или детеныш, не разбирают, мудаки, — Куулар взял старый алюминиевый чайник, прокопченный рыбацкими кострами до черноты, — принесу водицы на чаек...

Но только поднялся, приложил к губам палец:

— Чш! Там на берегу шорохи какие-то...

Донгак посветил в сторону реки фонариком. Яркие зеленые точки замечались в слабом луче света:

— Норки, однако, рыбу, которую мы из сетей достали, на берегу нашли. Пусть кормятся, — вроде даже с долей облегчения, проговорил Донгак.

До рассвета так и не прилегли. Пили чай, судили, рядили, не в силах забыть развернувшуюся перед их глазами драму. Распечатанную на перевале бутылочку, не доставали. С какой радости? И не поминки это.

Ночь подходила к концу. Рассвет, не спеша, спускался с гор на берега Хемчика.

— Может, порыбачим?

Донгак отхлебнул из алюминиевой кружки горячий чай.

— Не возвращаться же домой без рыбы, — Борис согласен потянулся за своими снастями.

— Чш! Слышите? Опять камешки по склону шуршат, — прошептал Куулар.

И в этот момент резкий, всхлипывающий звук разорвал предрассветную тишину.

Рыбаки повернулись на этот звук, а там, на фоне светлеющего неба, на высокой, обрывистой скале стоял козерог.

На светлом фоне четко был виден профиль самца с крутыми, закрученными почти до самой спины рогами.

Козерог плакал и крик его уносили воды Хемчика...

И гордые Саяны молчали в безмолвном почтении к его горю.

— Убью, гадов! — Куулар, не мигая, смотрел на скалу.

А козерог все кричал и кричал в тщетной попытке призвать свою самку.

— Чем? Удочкой? — зло и горько проговорил Борис.

— А давайте письмо в Москву, в МЧС напишем. Министр-то их из этих мест. Пусть поможет спасти... от верной гибели, — Донгак говорил так, будто уже обдумал эту мысль.

— А что? Ситуация и вправду, чрезвычайная, — Борис тоже встал и смотрел на козерога, на его прекрасный профиль на выступе отвесной скалы.

— Ну, не тут же писать. Вот домой вернемся. И, дай Бог, чтоб письмо наше до министра дошло, а он нас услышал, — и была в голосе Куулара надежда, что будет время, когда козероги будут кричать, призывая своих самок, а не оплакивать их гибель.

В этот раз возвращались с рыбалки без обычных шуток и подначек.

Рыбы все-таки наловили, но то, зачем каждый уважающий себя рыбак и охотник отправляется на природу, ускользнуло. Вместо радости и восторга, в душе, кроме горького осадка, поселилась тревога.

Уазик натружено гудел, одолевая спуски и подъемы. Рыбаки молчали.

И вдруг Борис резко затормозил.

— Ты чего? — Куулар вопросительно посмотрел на друга.

— Вон, смотрите. Видите хребет, будто голова Чингиз-хана, а следом, плечом к плечу его воины стоят? Ох, прав старый Монгуш. Было уже одно предупреждение Хана. А сейчас, видите, видите?... — Борис показывал на горные вершины.

А там, если присмотреться внимательным взглядом, и правда, четко виднелись контуры лица Чингиз-Хана, а следом — шлемы его воинов.

¹ Про рыбу не принято говорить «умерла». Если рыба, например, попала в сети и погибла, то не говорят «мертвая рыба», говорят «снулая рыба», то есть уснула навсегда.